

© 2023 г.

А.В. БУЗГАЛИН

ПОСЛЕ «КОНЦА ИСТОРИИ»: КОНСЕРВАТИВНЫЙ НЕОЛИБЕРАЛИЗМ И РЕФЕОДАЛИЗАЦИЯ?

БУЗГАЛИН Александр Владимирович – доктор экономики, профессор экономического факультета, директор Центра современных марксистских исследований философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (buzgalin@mail.ru).

Аннотация. Третей веком назад Ф. Фукуяма в статье «Конец истории?» (1989) сформулировал тезис об окончательной победе неолиберальной модели капитализма. Однако на самом деле история отнюдь не остановилась. Автор показывает кризис сложившейся в конце XX в. системы экономических отношений и институтов позднего капитализма. В статье систематизируются признаки этого кризиса и показывается, что доминирующая политическая и экономическая элита ищет выход из тупика путем «неолиберального консерватизма», интегрирующего дальнейшую дегуманизацию, десоциализацию и дерегуляцию в экономике с консервативно-авторитарными тенденциями в политике и идеологии. Раскрывается социальная база этого тренда, характеризуются противостоящие ему социальные слои, ориентированные на прогресс человеческого потенциала и формирование более справедливого мирового порядка.

Ключевые слова: неолиберализм • консерватизм • рефеодализация • «конец истории» • поздний капитализм • человеческий потенциал • сообщество единой судьбы человечества

DOI: 10.31857/S013216250025808-1

Более 30 лет назад американский политолог Фрэнсис Фукуяма провозгласил формулу «конца истории», подразумевая отсутствие позитивных альтернатив либеральным институтам. Прошедшие десятилетия, однако, заставили усомниться в их позитивности. Они ознаменовались процессами десоциализации, дерегулирования, усиления социального неравенства и т.п. явлениями, многократно описанными современными исследователями (см.: [Stiglitz, 2015; Krugman, 2009; Kotz, 2015; Бузгалин, 2018] и др.). Этот этап обычно называют неолиберальным, он закономерно привел к мировому финансово-экономическому кризису, об угрозе которого автор и его коллега Андрей Колганов писали еще в начале 2000-х. В последние годы кризисные явления стали более очевидны: еще не ушедший от пандемии мир оказался втянут в геополитэкономические конфликты, грозящие перерасти в глобальные.

Ответом на это стал растущий запрос на социально-, экологически- и гуманитарно-ориентированные реформы. Но есть и прямо противоположный тренд – рост правого популизма, авторитаризма и национализма. Более того, этот тренд в настоящее время является доминирующим, свидетельством чего является рост популярности правых социально-экономических и политических сил в Европе и не только в ней.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КАОН в рамках научного проекта № 21-511-93006. Автор выражает благодарность за помощь в работе над текстом и подборе данных Ольге Барашковой, Илье Дубровину, Андрею Колганову, Ольге Лемешонок и Ангелине Шпилевой.

Так объективно вытекают противоречия современного этапа, который мы можем образно назвать «концом “конца истории”». Неолиберальный этап развития капитализма заканчивается, мир оказывается перед развилкой: либо (1) регресс, предполагающий сохранение курса на десоциализацию и дерегулирование при подавлении альтернативных тенденций за счет перехода к авторитарной националистической политике; либо (2) прогресс, обновление и реализация экологически-, социально- и гуманитарно-ориентированного проекта. Выбор первого приведет к сохранению и усилению гегемонии сращенного с государственной бюрократией корпоративного капитала, второго – к частичному (в случае реформ в рамках капитализма) или все более полному (в случае движения к социализму на основе политического доминирования левых сил) разрешению противоречий позднего капитализма.

Можно, конечно, постараться сохранить существующее положение. Однако тезис о стагнации как «новой нормальности» все больше подвергается критике справа и слева, хотя – парадокс «реальной политики» – остается на практике доминирующим трендом и на Западе, и в России. Впрочем, не сложно предсказать, что попытка проведения «страусиной политики», игнорирующей вызовы глобальных проблем, обречет на долговременную стагнацию и отставание в развитии тех социумов, которые будут пытаться ее сохранять. Один из примеров – долговременная стагнация в РФ, где три десятилетия сохранялась модель полупериферийного олигархически-бюрократического капитализма [Хубиев, Теняков, 2022].

Исследование природы этой дилеммы и лежащих в ее основе противоречий, а также потенциальных путей их снятия или интенсификации, является главной задачей данной статьи.

Противоречия современного этапа позднего капитализма и тренды социализации капитализма. Прежде чем приступить к решению поставленной задачи, определимся с основными понятиями. Среди важнейших из них – *поздний капитализм* и *социализация капитализма*.

Первое из этих понятий было определено нами в серии предшествующих работ (прежде всего, [Бузгалин, Колганов, 2022], см. также [Яковлева, 2022]) как такой этап развития капиталистического способа производства, на котором его дальнейшее бытие невозможно без включения в ткань его социально-экономической жизни ростков «царства свободы» (К. Маркс). Понятие «социализация капитализма» в данном тексте используется как не социологическое, а политико-экономическое. Оно обозначает генезис и развитие в рамках рыночно-капиталистической системы элементов новых – посткапиталистических (социалистических) – отношений. В результате в экономической и общественной жизни формируются переходные отношения, в рамках которых рынок и капитал еще господствуют, но уже частично подорваны развитием альтернативных им отношений. Тем самым процесс социализации с политико-экономической точки зрения означает реформирование рынка и капитала в эко-социо-гуманистическом направлении. Именно об этом говорят и многие западные авторы, принадлежащие к «основному течению», когда используют термин «социализм».

Мера социализации капитализма имеет достаточно четкие количественные и качественные характеристики. Среди наиболее простых количественных показателей, которые демонстрируют тенденцию к росту, – доля консолидированного государственного бюджета в ВВП, мера развития селективного государственного регулирования и планирования, доля бесплатно предоставляемых благ (в частности, в образовании, здравоохранении, культуре) по отношению к платным, мера перераспределения доходов наиболее богатых слоев общества на цели развития общества в целом (прогрессия налогов на доходы и наследство, налог на роскошь), участие работников в управлении производством и т.п.

К числу хорошо известных, но редко акцентируемых нашими оппонентами фактов, свидетельствующих о неравномерном во времени и пространстве, но устойчивом присутствии в общественной жизни трендов социализации, относятся следующие.

Таблица

Рейтинг стран мира по уровню счастья, 2017 г.

Страны	Уровень счастья, баллов
Норвегия	7,537
Дания	7,522
Исландия	7,504
Швейцария	7,494
Финляндия	7,469
Нидерланды	7,377
Канада	7,316
Новая Зеландия	7,314
Австралия	7,284
Швеция	7,284

Источник: World happiness report 2017. URL: <http://worldhappiness.report/wp-content/uploads/sites/2/2017/03/HR17-Ch2.pdf> (дата обращения: 24.02.2023).

Первое. На протяжении первых двух третей XX в. в странах «ядра»¹ доля государства в ВВП поднялась только в США – с 10–15 до 35–40%. В Западной Европе в настоящее время она еще выше – 45–55%. При этом общедоступным стало среднее образование. Высшее образование стало бесплатным в США на четверть, в странах Западной Европы более чем на половину. Наиболее богатые слои населения отдают в этих странах в бюджет от 35 до 55% своего дохода. Правда, на рубеже XX–XXI вв. мера социализации на Западе начала снижаться, но незначительно. При этом даже это по историческим меркам незначительное сокращение привело к росту социальной напряженности и к росту популярности левых идей.

Второе. Внутри капиталистической системы (оставим в стороне Китай, Вьетнам, Северную Корею и Кубу) на протяжении почти столетия (как минимум со времен Великой депрессии) идет непрекращающееся социально-экономическое соревнование и политико-идеологическое противостояние право-либеральной и социал-реформистской моделей капитализма. Несмотря на еще недавно казавшееся окончательным торжество неолиберальных практик и идей, левый тренд сохраняется и, более того, демонстрирует немалые позитивные результаты. Одно из свидетельств этому – первые места стран с наиболее социализированной моделью капитализма в рейтингах счастья (табл.)².

Третье. На примере России – страны, где дольше всех и прочнее всех был укоренен «реальный социализм», – хорошо видно, что предсказывавшийся в 1990-х гг. всеми неолиберальными экономистами бурный социально-экономический прогресс (который должен был стать результатом перехода от как бы неэффективной плановой системы к как бы эффективной рыночной) на деле обернулся многолетним спадом, перешедшим в краткосрочный рост в период чрезвычайно быстрого подъема уровня цен на нефть

¹ Здесь и ниже автор использует понятия «ядро», «периферия» и «полупериферия», введенные теоретиками мир-системного анализа [Wallerstein, 2004].

² Индекс счастья формируется на основе интеграции, прежде всего, субъективных оценок респондентов о своей удовлетворенности жизнью (10 баллов – максимальная оценка). Он является одним из социогуманитарных критериев прогрессивности общественной системы – социальных и гуманитарных результатов экономической динамики. Необходимость отказа от абсолютного доминирования оценок стран по динамике ВВП была обоснована в работах советских марксистов, Дж. Стиглица, А. Сена, М. Уль-Хака и др., а также современных российских ученых (подробнее см.: [Теняков, 2016]). Объективное основание отхода от ВВП и перехода к социогуманитарным индикаторам – это социализация капитализма, генезис элементов постэкономического «царства свободы» в рамках «царства необходимости» [Бузгалин, 2018].

и газ, а потом вновь перешедшим в стагнацию. Итог – средние темпы роста экономики РФ за 30 постсоветских лет составляют по самым оптимистическим оценкам не более 2%. В результате в стране, где люди, казалось бы, более всего пострадали от «реального социализма», вновь формируется активный запрос на социальную справедливость и преимущественное развитие общественного сектора.

Не означают ли все вышеперечисленные (и многие другие, не упомянутые выше) свидетельства и вопросы, что у противостояния левого и правого – ориентированного на социализацию и стремящегося сохранить частно-коммерческие принципы – проектов есть объективные основания?

Почему нелиберальный проект не смог (и не может) окончательно победить?

К главным свидетельствам того, что заявленная Ф. Фукуямой победа никак не может состояться, относится *торможение современным капиталом не только социально-культурного, но и технологического прогресса*³. Обсуждение этой темы в академических кругах продолжается, но в рамках левого дискурса сформулирован целый ряд аргументов, доказывающих и первое, и второе.

Что касается первого, то о десоциализации, являющейся результатом роста неравенства в распределении богатства, доступе к ресурсам, доходе и т.п., сегодня написано очень много [Piketty, 2013]. Это – важнейшее свидетельство социального регресса.

Что же касается торможения технологического прогресса, то это положение менее аргументировано и далеко не очевидно. Безусловно, прогресс технологий идет, но на протяжении последних 50 лет – главным образом в сферах создания, обработки, передачи и хранения данных, что стало материально-технической базой для активной экспансии финансового капитала и иных сфер посредничества (интернет-торговля и др.), а также подчинения капиталу сферы досуга (индустрия игр и т.п.). Что же касается сферы материального производства, то здесь изменения, произошедшие за последние десятилетия, более скромны⁴.

Большинство граждан даже стран «ядра» чувствуют на себе, что качественные изменения в их жизни (и на работе, и дома, и в учебе, и во время досуга) в общем-то не произошли. Мы вот уже более полувека ездим все на тех же автомобилях, летаем все на тех же самолетах, ходим во все те же кинотеатры и смотрим все тот же телевизор. Мы по-прежнему работаем 40 (а то и много больше) часов в неделю, пользуемся все тем же набором бытовой техники, живем во все тех же домах и квартирах, досуг проводим во все тех же торговых центрах, и даже содержание мыльных опер и блокбастеров практически не изменилось. Даже последние эпизоды «Звездных войн» как братья-близнецы похожи на первый, который в детстве в 1970-х гг. смотрели дедушки нынешних тинейджеров.

Изменения коснулись только сферы создания и использования информации: в автомобиле и самолете появился компьютер, на место домашних телефонов и телефонных будок пришел мобильник... Автоматизации материального производства, транспорта, строительства, сервиса, массовое развертывание которой ученые середины XX в. ожидали еще

³ См., напр.: Why is the global rate of innovation slowing? // Lexology. October 19, 2017. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=e23e651f-b8d6-4780-a3eb-168e85d05f36> (дата обращения: 24.02.2023); Rotman D. Tech Slowdown Threatens the American Dream // MIT Technology Review. Apr 6, 2016. URL: <https://www.technologyreview.com/s/601199/tech-slowdown-threatens-the-american-dream/> (дата обращения: 24.02.2023).

⁴ Укажем хотя бы на то, что доля промышленных роботов в настоящее время в среднем по миру составляет менее 100 штук на 10 тыс. работников, даже в такой стране, как США, – менее 400. И это при том, что первые безлюдные (полностью автоматизированные) производственные линии были созданы еще в 1970-х, а в 1980-х количество станков с ЧПУ (тогдашний аналог современного промышленного робота) даже в СССР было около 100 на 10 тыс. работающих при росте их доли в 2,5 раза за 10 лет. При сохранении темпов, характерных хотя бы для «неэффективной» и «кризисной» плановой экономики СССР 1980-х, в настоящее время в нашей стране доля роботов должна была бы составлять не менее 1 тыс. роботов на 10 тыс. работников, но в современной РФ их только 6, т.е. много меньше, чем в СССР.

в 1980–1990-х гг., не произошло до сих пор и не похоже, что она произойдет в ближайшие 20–30 лет (если, конечно, за это время не произойдет существенный прогресс).

Сделаем промежуточный вывод: автор «Конца истории» оказался прав, но не в том, о чем он думал. История «закончилась» в том смысле, что действительно социальный прогресс обернулся социальной стагнацией, а затем и регрессом (идет медленное, но непрерывное снижение уровня социализации капитализма). Технологическое развитие не остановилось, но затормозилось и идет преимущественно в тех сферах, которые выгодны господствующему в настоящее время финансовому капиталу и, как и столетия назад, ВПК. Если принять философский тезис, что социальное время может идти в попятном направлении, то можно сказать, что *неолиберальный период истории есть период попятного, регрессивного течения социоисторических процессов*. Причина этого – противоречия позднего капитализма и его неолиберального этапа. И это – не откровение автора: о глубоких противоречиях и даже тупике неолиберальной модели капитализма написаны многие фундаментальные работы [Amin, 1990; Harvey, 2006; Fine, 2013; Kotz, 2015].

Другой стороной того же процесса является то, что я бы назвал *«экспансией симулякров»* – знаков, которые стали как бы благами, создаваемыми как бы полезной деятельностью для удовлетворения как бы потребностей. Этот тренд был описан еще в 1980-е Ж. Бодрийяром [Baudrillard, 1981]: в мире постмодерна происходит превращение всего, в том числе продаваемых на рынке товаров, в симулякры – знаки, изображающие нечто, не имеющие оригинала в действительности или имеющие в своей основе нечто, качественно отличное от того, что они обозначают. Таким знаками-симулякрами становятся, в частности, этикетки известных фирм, повышающих стоимость обычных товаров даже в сотни раз (дамские сумочки известного бренда за 300–400 тыс. (!) руб. – одно из подтверждений).

В результате экономика и общество начинают в массовом масштабе работать на создание, тиражирование и потребление товаров-симулякров и т.п., приводя к превращению «общества потребления» в «общество симулирования». Этот вывод – о развитии производства знаков, как бы обозначающих как бы блага, – был сделан, напомним, еще до «Конца истории», но при этом он до сих пор остается неочевидным для исследователей. Причина этого проста: фетишизм рыночных отношений делает как бы очевидным тезис: если что-то покупается, то это необходимо. Но мир рынка последних десятилетий – пространство доминирования производителей, в котором действует иной принцип: если корпорациям выгодно, они заставят вас это покупать (при помощи рекламы, пиара и других средств манипулирования). Это изменение подметил еще Дж.К. Гэлбрейт [Galbraith, 1967].

Безусловно, отличить симулякр от полезного продукта сложно. Однако, во-первых, есть теоретическое отличие: симулякр ориентирован на искусственно созданную потребность, удовлетворение которой не способствует развитию личностных качеств человека, культуры, технологий. Во-вторых, товар-симулякр – это знак, за которым нет обозначаемого объекта. Соответственно, его цена отражает затраты труда не на создание данной вещи (услуги), а на создание симулятивной потребности (затраты труда маркетологов, пиарщиков и т.п.) [Бузгалин, Колганов, 2012].

В конечном итоге формируется экономика, в которой до половины создаваемых благ не работают на прогресс ни человеческих качеств, ни технологий, т.е. не содействует решению ни экологических, ни социальных проблем. Майкл Хадсон, один из известнейших экономистов США, назвал эту сферу «мусором» [Hudson, 2017], а мы с А. Колгановым в книге «Глобальный капитал» описали ее как «бесполезный сектор». К этому сектору относится большая часть финансов, посреднических услуг, значительная часть деятельности государственной и корпоративной бюрократии, маркетинга и пиара, шоу-бизнеса и т.п. отраслей, составляющих даже по официальной статистике до 40% ВВП США. Специально подчеркнем: корпоративное и государственное управление, организация денежных потоков, в частности инвестиций, и т.п. – феномены, качественно отличные от финансовых спекуляций, бюрократизма и т.п. Эту ситуацию точно передает один из самых популярных

в России слоганов: «Мы ходим на работу, которую не любим, чтобы заработать на бренды, которые нам не нужны, чтобы вызвать зависть у людей, которых мы не уважаем». Косвенным подтверждением этого является тот факт, что проблема ощущения работниками бесполезности и бессмысленности своей работы стала предметом дискуссии едва ли не мирового масштаба [Graeber, 2018].

Проблемы, связанные с ростом социального неравенства и бедности, бессмысленностью жизни, превращающейся в существование, а для бедных – в выживание, хорошо известны. Хорошо известно и то, что их нерешенность продуцирует рост наркомании, самоубийств, религиозного фанатизма и иных форм деконструкции общественного бытия и индивидуального сознания. Все эти проблем требуют теоретического отображения, поскольку всё это – частные проявления тотальной проблемы социального и гуманитарного регресса, который не сводим к обозначенному выше процессу десоциализации. На языке марксистской философии этот сонм проблем может быть отражен при помощи категории «социальное отчуждение» [Ollman, 1971, 1976; Meszaros, 1970; Musto, 2010; Булавка-Бузгалина, 2018]. Последние десятилетия ознаменовались ростом этого отчуждения: на смену миру, в котором противоречия отчуждения смягчались, последние десятилетия *идет мир, который все больше и больше становится чужим и враждебным*.

Почему это происходит?

Ответ автором был дан ранее [Бузгалин, 2018]. В предельно кратком виде он звучит так: на этапе позднего капитализма технологический и социальный прогресс возможен преимущественно на основе развития пострыночных и посткапиталистических отношений, «невидимая рука» рынка и логика накопления капитала ведут к экспансии финанализации [Fine, 2013] и «мусорной экономики» [Hudson, 2017].

Логично возникает второй вопрос: интересам каких социально-экономических сил отвечает этот тренд, кому все это выгодно?

Cui Prodest? Ответ достаточно хорошо известен. Вот уже не первое десятилетие самыми выгодными сферами бизнеса являются финансовые трансакции (я бы сказал даже более жестко – спекуляция), маркетинговая и пиар-деятельность, шоу-бизнес и иные формы навязывания симулякров вкуче с такой традиционной притягательной для капитала сферой, как война. Главными трендами развития бизнеса стали финанализация и менеджеризация; политики – бюрократизация и манипулирование; социальной сферы – коммерциализация (вкуче с бюрократизацией, менеджеризацией и финанализацией [Яковлева, 2021]).

Соответственно, *главными бенефициарами неолиберальной системы стали финансисты, топ-менеджеры, бюрократы и обслуживающие их социальные слои*. Все это, в свою очередь, стало результатом приоритетного развития *тесно сращенного с государственной бюрократией особого типа корпоративного капитала – капитала-посредника и капитала-рентополучателя*. В последнем случае речь идет о капитале, для которого определяющим источником дохода становится не производство в реальном секторе и прибыль, а *присвоение ренты* (природной, империалистической, интеллектуальной – все не перечислишь). *Сформировалась система отношений, направившая эволюцию и технологий, и общественных отношений в сторону преимущественного развития посредничества и симулякров вкуче с создающими для этого материальную базу информационными технологиями, что позволило десятилетия существовать «закончившейся истории»*.

Однако ничто не вечно. Хоть и замедлившийся, но не исчезнувший вовсе прогресс технологий с опозданием, но все же подвел мир к рубежу, когда глубокие трансформации стали необходимы. Регрессивные, «устаревшие» производственные отношения могут замедлить прогресс производительных сил, могут повернуть его в русло, ведущее к деформации структуры общественного производства и социума, но остановить его не могут. *«Конец истории» в конце концов подошел к концу*.

Пожалуй, особенно важным в этом контексте становится вопрос о *социальных силах*, которые, с одной стороны, объективно заинтересованы в сохранении неолиберальной

модели (причем на пути ее превращения в либерал-консервативную) и субъективно активно за это борются не только экономическими, но и политическими, идеологическими, культурными, военными методами, а с другой – сторонниками и проводниками тренда социализации.

Заинтересованные в консервации (или регрессивной трансформации) существующей модели социальные силы нами уже были определены: это – те слои общества, которые являются (1) субъектами ставшего тотальным капитала и (2) проводниками его гегемонии плюс (3) ее «охранителями».

Первые – это собственники (главным образом мажоритарные акционеры) и топ-менеджеры транснациональных корпораций, а также масса бенефициаров глобальной гегемонии капитала (прежде всего связанные с деятельностью ТНК рентополучатели и многочисленные посредники).

Вторые – вся совокупность лиц, обеспечивающих функционирование капитала: от маркетологов и пиарщиков до широчайшего круга посредников и сращенных с ТНК средних и малых бизнесов.

Третьи – это государство в его ипостаси проводника интересов капитала, т.е. сращенные с капиталом на основе как формальных, так и неформальных отношений (личная уния, лоббирование и т.п.) чиновничество и «политический класс».

Все они получают массовую поддержку от «рядовых» граждан (наемных работников, фрилансеров, иждивенцев, получателей различных социальных пособий) в той мере, в какой эти граждане являются активными или пассивными конформистами. Т.е. надеются либо на потенциальную возможность личного социально-экономического возвышения за счет роста своего «человеческого капитала» (преимущественно молодые, имеющие или надеющиеся получить качественное образование лица), либо на сохранение стабильности существующей системы и своего положения в ней за счет «сильного» государства плюс получение части империалистической ренты в странах-гегемонах [Десаи, 2020]. Первые ориентированы на сохранение неолиберальной модели, позволяющей надеяться на использование преимуществ от сотрудничества с глобальным капиталом (прежде всего, финансовым); вторые – на консервативный курс, усиливающий роль национальной бюрократии, сращенной с национальным (во многих случаях сырьевым и военно-промышленным) капиталом.

Оппозицией им является актуальный социально-творческий субъект – та часть общества, которая объективно заинтересована и субъективно способна осознанно противостоять общественному отчуждению, становиться субъектом *разотчуждения* [Булавка-Бузгалина, 2018] общественных отношений. Разотчуждение – это общественные отношения и деятельность, снимающие отношения социального отчуждения, в частности, такие как товарный и денежный фетишизм, формальное и реальное подчинение труда капиталу, господство бюрократии, клерикализм и т.п.

В современном обществе социально-творческий субъект формируется не только в среде класса индустриальных наемных рабочих, но и среди так называемого «креативного класса». Существенно, однако, что и тот и другой класс внутренне противоречивы. Так, для «классического» наемного работника характерно противоречие между его бытием, с одной стороны, как частного собственника товара «рабочая сила» и, с другой стороны, как субъекта обобщественного коллективного создателя отчуждаемого от него общественного богатства (средств производства и результатов труда).

Для «креативного класса» тоже характерна внутренняя противоречивость. С одной стороны, в условиях капитализма креативные работники являются собственниками «человеческого капитала» (подчеркну: здесь присутствует только *форма* капитала – деньги, превращающиеся в деньги с приростом, а содержания капитала как особого производственного отношения – отношения создания прибавочной стоимости наемным работником и присвоения ее собственником капитала – здесь нет). Собственность на «человеческий капитал» объективно делает этих акторов участниками процесса рыночной конкуренции и накопления, создателями интеллектуальной частной собственности, а в ряде случаев

и получателями некоторой части интеллектуальной ренты. В этом качестве они становятся объективными сторонниками неолиберальной модели общественной организации.

С другой стороны, все представители «креативного класса» являются создателями культурных благ, которые потенциально являются общественными (неограниченными, неупотребляемыми, общедоступными). Более того, представители массового слоя «рядовых» творческих работников (учителей, врачей, социальных работников и т.п.) в значительной своей части заняты в общественном секторе, производят общедоступные блага. Этот социальный слой мы назвали «социалиатом» [Бузгалин, Колганов, 2019], именно он потенциально может быть основным субъектом разотчуждения.

Впрочем, на пути этой потенциальной возможности стоит зависимость социалиата от государства, служащими которого являются врачи, учителя и т.п. работники общественного сектора. В той мере, в какой это государство является бюрократическим и консервативным, данный социальный слой оказывается в тисках очень жесткого противоречия между содержанием своего труда (творческая деятельность по созданию общественных благ) и его социальной формой (подчиненность бюрократии). Природа и формы этого противоречия хорошо знакомы работникам образования, здравоохранения, культуры в любой стране, а процессы бюрократизации и коммерциализации социальной сферы подробно исследованы в литературе [Яковлева, 2017, 2019].

Таковы противоречия сохраняющейся до настоящего времени, но уже начавшей изменяться неолиберальной модели позднего капитализма.

Каковы же объективные тренды этих, пока еще подспудных, изменений и каков спектр возможных альтернатив этой модели?

Рефеодализация: исторический регресс как возможная альтернатива неолиберализму. Последнее десятилетие проявило как едва ли не доминирующую альтернативу существующей модели консервативный тренд, о котором ученые пишут уже не одно десятилетие [Kotkin, 2020; Давыдов, 2021]. У этого тренда имеются немалые объективные основания.

Едва ли не главное – *запрос капитала* как общественно-экономической силы, капитала как целого, капитала-тотальности, *на кажущуюся парадоксальной, но в действительности реальную интеграцию консерватизма и либерализма*. В настоящее время этот тренд наблюдается преимущественно в политической и социокультурной сферах, причем идет он главным образом в странах «периферии» и «полупериферии», хотя и в «центре» эти тренды весьма заметны. Они проявляют себя, прежде всего, в (1) нарастающей власти государственной бюрократии, превращающейся в особое сословие, напоминающее феодальное дворянство и получающее власть, полномочия по присвоению общественного богатства, доход и привилегии от государства как особого властного института, господствующего над обществом. Как alter ego этого процесса развивается (2) превращение граждан из активных социальных и политических акторов в подданных – людей, труд, собственность (если она вообще есть) и доходы которых зависят от государства, выступающего как в определенной мере патерналистски действующий субъект. В этом положении оказываются широкие слои трудящихся (причем как индустриальных рабочих, так и части «креативного класса»), зависящие от государства в той мере, в какой они не способны к индивидуальной (за счет значимого «человеческого капитала») и/или коллективной (за счет сильных профсоюзов и других организаций трудящихся и граждан) защите своих интересов. Соответственно (3) в идеологии и культуре нарастает культ государства как демилурга экономического, социального и т.п. бытия, сопровождающийся в большинстве случаев национализмом, клерикализмом, а в ряде случаев – имперскими и монархическими интенциями. В своих крайних проявлениях этот тренд может приводить к нацизму и фашизму.

В экономике консервативный тренд несколько менее акцентирован, хотя процессы рефеодализации в странах «периферии» и «полупериферии» развиваются и в этой сфере. В частности, интенсифицируется процесс сращивания крупного капитала с государственной бюрократией при постепенном переходе основных волевых каналов господства к государству при сохранении экономической власти в руках капитала как целого, как тотальности. Для больших

(по населению, территории, объемам производства) государств «полупериферии» эти тренды в геополитико-экономической сфере результируются в росте так называемого «экономического эгоизма». Сталкиваясь с ним, транснациональный капитал стран «центра», не оставляя своего стремления к международной экспансии, чем дальше, тем больше ищет возможности подпереть свою постепенно ускользящую экономическую мощь военной экспансией.

На мировой арене процесс консервативно-ориентированного регресса проявляет себя не только в таких трендах, как торговые войны и санкции, но и как формирование новой модели соединения политико-идеологической и военной силы сверхнациональных государств (США, ЕС) с силой технологического, финансового и т.п. господства транснациональных корпораций. Даже видимость (подчеркну: даже видимость) свободной конкуренции на мировых рынках, видимость верховенства международного права в мировом политическом процессе, видимость политико-идеологического плюрализма и т.п., характерная для периода неолиберального капитализма, уходит в прошлое. На смену этой видимости, скрывавшей гегемонию корпоративного капитала, идет (но еще не пришла в полной мере) борьба двух трендов: с одной стороны, открытая экономическая, политическая и военная гегемония сверхнациональных государств и манипулирующих мировыми рынками крупнейших капиталов; с другой – «национальный эгоизм».

Либеральный мировой порядок был адекватен для крупного капитала стран «ядра» (гегемонов, империалистических держав), пока он мог почти безгранично манипулировать экономиками стран «периферии». Но в последние годы ситуация изменяется. Во-первых, у капитала стран «ядра» появляются почти равные по силе конкуренты (в экономике – Китай, а в перспективе – еще и Индия; в геополитике – Россия и тот же Китай) в борьбе за гарантированные выигрыши в геополитике и на мировых рынках. Во-вторых, обостряются (в частности, вследствие финансиализации) проблемы перенакопления капитала. В-третьих, внутри стран «ядра», и «периферии» растет противодействие этому курсу со стороны обрисованных выше социальных сил разотчуждения. В этих условиях у крупного капитала (особенно – финансового и сырьевого) возникает объективная заинтересованность в более активном использовании насилия и политико-идеологического манипулирования для подавления сопротивления оппозиции внутри страны и конкурентов за мировую гегемонию – вовне.

Так возникает объективный запрос на экономико-политическую модель, соединяющую большую, чем ранее, сращенность крупного капитала с государством (а это проще всего и выгоднее всего делать в сфере ВПК, идя по пути наращивания милитаризма, что показала еще в начале XX в. Роза Люксембург). Эта модель будет все менее учитывать интересы населения и все более прямо и непосредственно реализовывать интересы корпоративного капитала.

В результате возникает объективный запрос на государство, которое, с одной стороны, способно ограничить (или подавить) запросы населения на реализацию социальных, экономических и гражданских прав, а с другой стороны, может побеждать внешних соперников в геополитической борьбе, в потенции принося «своим» гражданам империалистическую ренту или хотя бы обеспечивая защиту от империалистической эксплуатации. И для одного, и для другого нужна сила государства. Ведь делиться сокращающимися прибылями со своим собственным населением в условиях обострения мировой конкуренции можно только за счет сокращения своих собственных выгод, а на это капитал идет крайне редко и только под мощным давлением снизу. Так возникает *запрос власть имущих на реализацию национал-консервативного курса – с одной стороны, и большую, чем ранее, десоциализацию* (снижение налогов на крупный бизнес, сокращение государственных расходов на образование и здравоохранение и т.п.) *в рамках праволиберального курса – с другой*. Так формируются объективные основания для развития консервативно-либеральной модели позднего капитализма. Они генерируются, повторим, новой номенклатурой крупного капитала и государства, но при этом еще и находят массовую опору не только в среде зависимых от государства трудящихся, но и низах *прекариата* – тех его

представителей, кто не обладает значимым «человеческим капиталом» и не включен в солидарную борьбу против гегемонии капитала.

Таковы в самом кратком виде экономические и социальные предпосылки формирования тренда, который мы назвали консервативным либерализмом. Но диалектика позднего капитализма такова, что эти же противоречия формируют и левую эко-социо-гуманитарно-ориентированную альтернативу. Вместо «конца истории» мировая система подходит к очередной точке бифуркации, предполагающей развилку дальнейших возможных путей социальной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бузгалин А.В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономики. 2018. № 2. С. 10–38.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. «Капитал» XXI века: симулякр как объект анализа критического марксизма // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 31–42.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Капитализм, посткапитализм и креативная революция (критические размышления о статье Д.А. Давыдова) // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 100–109.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28.
- Булавка-Бузгалина Л.А. Маркс-XXI. Социальный прогресс и его цена: диалектика отчуждения и разотчуждения // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 5. С. 73–84.
- Давыдов Д.А. Посткапитализм как архаизация: институциональный дрейф к неофеодализму? // Антиномии. 2021. Т. 21. Вып. 4. С. 61–78.
- Десаи Р. Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи: Монография. М.: ИНИР им. С.Ю. Витте: Центр каталог, 2020.
- Теняков И.М. Подходы к оценке качества экономического роста // Вопросы политической экономики. 2016. № 4. С. 61–73.
- Хубиев К.А., Теняков И.М. Надломленный вектор развития российской экономики // Вопросы политической экономики. 2022. Т. 2. С. 22–39.
- Яковлева Н.Г. Какие ростки посткапитализма способны обеспечить прогресс человеческого потенциала и технологическую модернизацию? // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 110–115.
- Яковлева Н.Г. Противоречия трансформации и генезис социально-ориентированной модели образования (политико-экономический подход) // Вопросы политической экономики. 2021. Т. 3. № 27. С. 183–197.
- Amin S. Maldevelopment: Anatomy of a Global Failure. Pambazuka Press, 1990.
- Baudrillard J. Simulacra and Simulation. Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press, 1981.
- Fine B. Financialization from Marxist Perspective // International Journal of Political Economy. 2013. No. 42 (4). P. 47–66.
- Galbraith J.K. The New Industrial State. Princeton University Press (1967), 2007.
- Harvey D. Spaces of global capitalism: towards a theory of uneven geographical development. L.; N.Y.: Verso, 2006.
- Hudson M. J is for Junk Economics: A Guide to Reality in an Age of Deception. Islet-Verlag, 2017.
- Kotkin J. The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class. Encounter Books, 2020.
- Kotz D.M. The rise and fall of neoliberal capitalism. Harvard University Press, 2015.
- Krugman P. The conscience of a liberal. New York: WW Norton & Company, 2009.
- Meszaros I. Marx's Theory of Alienation. London: Merlin Press, 1970.
- Musto M. Revisiting Marx's concept of alienation // Socialism and Democracy. 2010. No. 24 (3). P. 79–101.
- Ollman B. Alienation. New York: Cambridge University Press, 1971.
- Ollman B. Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society. 2nd ed., Cambridge University Press, Cambridge, 1976.
- Piketty T. Capital in the 21st Century. Cambridge, MA: President and Fellows, Harvard College, 2013.
- Stiglitz J.E. The Great Divide: Unequal Societies and What We Can Do About Them. New York: W.W. Norton & Company, 2015.
- Wallerstein I. World-Systems Analysis: An Introduction, London: Duke University Press, 2004.

Статья поступила: 27.02.23. Финальная версия: 14.04.23. Принята к публикации: 18.04.23.

AFTER THE «END OF HISTORY»: CONSERVATIVE NEOLIBERALISM AND REFEODALIZATION?

BUZGALIN A.V.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Alexander V. BUZGALIN, Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Faculty of Economics, Director of the Centre for Contemporary Marxist Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow (buzgalin@mail.ru).

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and CASS, project No. 21-511-93006.

Abstract. Thirty years ago, Francis Fukuyama in the article “The End of History?” (1989) formulated the thesis about the final victory of the neoliberal model of capitalism. However, the story doesn't stop. The author shows that the reason for this is the crisis of the existing system of economic relations and institutions of late capitalism. The article systematizes the signs of this crisis and shows that the dominant political and economic elite is looking for a way out of the impasse through “neoliberal conservatism” integrating further dehumanization, desocialization and deregulation into the economy with conservative authoritarian tendencies in politics and ideology. The social basis of this trend is revealed, the social strata opposing it, focused on the progress of human potential and the formation of a more just world order, are characterized.

Keywords: neoliberalism, conservatism, refeudalization, “The End of History”, late capitalism, human potential, community of common destiny of mankind.

REFERENCES

- Amin S. (1990) *Maldevelopment: Anatomy of a Global Failure*. Pambazuka Press.
- Baudrillard J. (1981) *Simulacra and Simulation*. Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press.
- Bulavka-Buzgalina L.A. (2018) Marx XXI: Social Progress and Its Price: Dialectics of Alienation and Disalienation. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. [Moscow State University Bulletin Series 7: Philosophy]. No. 5: 73–84. (In Russ.)
- Buzgalin A.V. (2018) Late capitalism and its limits: dialectics of productive forces and production relations (to the 200th birth anniversary of Karl Marx). *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. No. 2: 10–38. (In Russ.)
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2012) Capital of the twenty-first century: the simulacrum as an object of analysis for critical Marxism. *Voprosy Filosofii*. No. 11: 31–42.
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2022) Capitalism, Post-Capitalism and the Creative Revolution (critical reflections on the article by D.A. Davydov). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 100–109. (In Russ.)
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2019) Social Structure Transformation of Late Capitalism: from Proletariat and Bourgeoisie Towards Precariat and Creative Class? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 18–28. (In Russ.)
- Davidov D. (2021) Postcapitalism as Archaization: Institutional movement towards Neofeudalism. *Antinomy*. Vol 21. Is. 4: 61–78.
- Dessai R. (2020) *Geopolitical Economy: After American Hegemony, Globalization and Empire*. Moscow: INIR them. S.Yu. Witte.
- Fine B. (2013) Financialization from Marxist Perspective. *International Journal of Political Economy*. Vol. 42. Iss. 4: 47–66.
- Galbraith J.K. (2007 [1967]) *The New Industrial State*. Princeton University Press.
- Harvey D. (2006) *Spaces of global capitalism: towards a theory of uneven geographical development*. L.; N.Y.: Verso.
- Hudson M. (2017) *J is for Junk Economics: A Guide to Reality in an Age of Deception*. Islet-Verlag.
- Khubiev K., Tenyakov I. (2022). The fractured vector of development of the Russian economy. *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. No. 2: 22–39. (In Russ.)
- Kotkin J. (2020) *The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class*. Encounter Books.
- Kotz D.M. (2015) *The rise and fall of neoliberal capitalism*. Harvard University Press.
- Krugman P. (2009) *The conscience of a liberal*. New York: WW Norton & Company.
- Meszaros I. (1970) *Marx's Theory of Alienation*. London: Merlin Press.
- Musto M. (2010) Revisiting Marx's concept of alienation. *Socialism and Democracy*. Vol. 24. No. 3: 79–101.
- Ollman B. (1971) *Alienation*. New York: Cambridge University Press.

- Ollman B. (1976) *Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society*. 2nd ed., Cambridge University Press, Cambridge.
- Piketty T. (2013) *Capital in the 21st Century*. Cambridge, MA: President and Fellows, Harvard College.
- Stiglitz J.E. (2015) *The Great Divide: Unequal Societies and What We Can Do About Them*. New York: W.W. Norton & Company.
- Tenyakov I.M. (2016) Approaches to the Evaluation of the Quality of Economic growth. *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. No. 4: 61–73. (In Russ.)
- Wallerstein I. (2004) *World-Systems Analysis: An Introduction*. London: Duke University Press.
- Yakovleva N.G. (2021) Contradictions of transformation and genesis socially-oriented model of education (political economy approach). *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. Vol. 3. No. 27: 183–197. (In Russ.)
- Yakovleva N.G. (2022) What Sprouts of Post-Capitalism are Capable of Ensuring Progress of Human Potential and Technological Modernization? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 110–115. (In Russ.)

Received: 27.02.23. Final version: 14.04.23. Accepted: 18.04.23.